

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ

(СВОЕОБРАЗИЕ СТАБИЛИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ III – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ВВ. ДО Н. Э.)

Период в истории Северного Причерноморья, последовавший за крушением Великой Скифии, отличался долгой дестабилизацией военно-политической обстановки, которая, то ослабевая, то усиливаясь, продолжалась практически до рубежа эр. На этом общем фоне, однако, все-таки представляется возможным выделить один хронологический отрезок, который можно связывать пусть с относительной, но ощутимой стабилизацией ситуации в регионе, – это вторая половина III – первая половина II вв. до н. э. Данный (третий) период стабилизации в истории античного Северного Причерноморья выделен совсем недавно.¹ Конечно, по масштабам экономической деятельности, интенсивности культурных контактов, степени развития социальных процессов и т. п. этот период не идет ни в какое сравнение с предшествующим периодом стабилизации в последней трети V–IV вв. до н. э.,² но от этого научная значимость его выделения ни в коей мере не может быть умалена.

Сарматы, продвинувшиеся в севернопричерноморский регион с востока, сокрушившие Великую Скифию и ставшие здесь, как уже неоднократно отмечалось, главными возмутителями спокойствия,³ к середине III в. до н. э., по всей видимости, уже закончили бурный период “завоевания родины” и вступили в этап более спокойной, можно сказать, мирной эксплуатации покоренных ими территорий. К этому времени, очевидно, вполне определилась и система политических, экономических и культурных связей новых владык степей с гречески-

¹ К. К. Марченко. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // *РА* 1996: 2, 70 сл.; Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, Е. Я. Рогов. Сарматы и гибель “Великой Скифии” // *Донские древности* 5 (Азов 1997) 21–22.

² Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // *СА* 1991: 1, 151–153.

³ Из последних работ по этому вопросу см. прим. 1, а также: Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, Е. Я. Рогов. Сарматы и гибель “Великой Скифии” // *ВДИ* 1997: 3, 93 сл.; Ю. Г. Виноградов. Херсонесский декрет “О несении Диониса” IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // *ВДИ* 1997: 3, 122–123.

ми центрами региона и, разумеется, прежде всего с Боспорским государством.

Сразу же необходимо обратить внимание на явное своеобразие освоения кочевниками северопричерноморских степей в рассматриваемое время. Как позволяет считать современное состояние археологических источников, сарматы после серии сокрушительных походов против Скифии, когда значительная часть ее территории действительно была превращена в пустыню (Diod. II, 43,7), по каким-то причинам не смогли закрепиться в Северном Причерноморье и вынуждены были сосредоточиться в более восточных областях Подонья-Прикубанья. Массовое расселение номадов на землях к западу от Дона начинается лишь во II в. до н. э. К такому выводу почти 40 лет назад пришла М. П. Абрамова,⁴ и современные археологические исследования вполне его подтверждают.⁵

Наиболее выразительные памятники сарматов III в. до н. э. фиксируются, прежде всего, на территории Правобережья Прикубанья. Как считается, именно здесь сформировался так называемый сиракский союз племен,⁶ а к середине III в. до н. э., вероятно, сложилось сармато-меотское объединение, ставшее весьма влиятельной силой в регионе.⁷ В связи с этим полагают, что владения сарматского царя Гатала, известного по мирному договору, подписанному в 180–179 гг. до н. э. Фарнаком Понтийским и царями Вифинии и Пергама (Polyb. XXV, 2, 12), про-

⁴ М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. – I в. н. э. // *СА* 1961: 1, 93.

⁵ См. С. В. Полин. *От Скифии к Сарматии* (Киев 1992) 111 сл.; С. В. Полин, А. В. Симоненко. “Раннесарматские” погребения Северного Причерноморья // *Исследования по археологии Поднепровья* (Днепропетровск 1990) 43; О. В. Симоненко. Раннесарматский период у Північному Причорномор’ї // *Археологія* 1994: 1, 34–38; В. М. Клепиков. *Сарматы IV–III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье*. Автореферат дисс. ... канд. историч. наук (Волгоград 1998) 24; A. V. Simonenko. The Problem of the Sarmatian Penetration in the North Pontic Area According to Archaeological Data // *Il Mar Nero* 1994: 1, 116, 119.

⁶ См. В. Б. Виноградов. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // *СА* 1963: 1, 108 сл.; А. М. Ждановский. *История племен Среднего Прикубанья во II в. до н. э. – III в. н. э. (по материалам курганных погребений)*. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук (Москва 1985) 13, 18; он же. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века* (Ростов-на-Дону 1990) 36–39; И. И. Марченко. *Сираки Кубани* (Краснодар 1996) 113 сл.

⁷ Ждановский. К истории сиракского союза (см. прим. 6) 41; А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Сарматы Прикубанья // *Проблемы сарматской археологии и истории*. Тез. докл. конф. (Азов 1985) 48; Марченко. Сираки Кубани 119.

стирались вплоть до Прикубанья.⁸ Правда, в тексте договора Гатал именуется в числе европейских, а не азиатских властителей, что противоречит приведенной точке зрения, поскольку не согласуется с обычным античным представлением о границе между Европой и Азией, проходящей по Дону и Керченскому проливу. Но вполне возможно, что в данном случае под пограничной рекой понимался не Дон, а Кубань.⁹

Расселение сарматов на землях к западу от Дона начинается лишь со II в. до н. э., а до этого времени степи Северного Причерноморья оставались практически пустыми. Именно это явление следует рассматривать как основную отличительную особенность обозначенного исторического этапа в масштабах всего региона. О возможных причинах такого положения речь пойдет ниже. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на своеобразие этого периода стабилизации в областях, прилегающих к степному коридору: явные признаки относительного замирения степи фиксируются в восточной части региона, прежде всего на Боспоре Киммерийском, и все менее и менее ощутимы по мере передвижения к западу. Такая тенденция зарождения условий стабилизации, впрочем, как и дестабилизации, именно на востоке региона была характерна и для более ранней эпохи,¹⁰ но на сей раз она выделяется ощутимым своеобразием.

Почти 70 лет назад М. И. Ростовцев писал, что в первой половине II в. до н. э. культура Боспорского царства переживала своего рода возрождение.¹¹ Современные археологические исследования полностью подтверждают эту точку зрения, позволяя при этом сместить нижнюю хронологическую грань периода до второй половины III в. до н. э. Нет сомнения, что III–II вв. до н. э. были временем расцвета городской жизни на обоих берегах пролива, многие центры при этом расширили свои границы или даже были перестроены, среди них – Пантикапей, Мирмекий, Порфмий, Фанагория, Гермонасса и др.¹² До недавнего

⁸ С. В. Полин. Гатал – царь сарматский // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Тез. докл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. 1 (Запорожье 1989) 122–123; И. И. Марченко. Царь Гатал в Прикубанье // *Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа* (Краснодар 1994) 52–53; он же (см. прим. 6) 124–125.

⁹ И. В. Куклина. *Этногеография Скифии по античным источникам* (Ленинград 1985) 143–161.

¹⁰ Виноградов, Марченко (см. прим. 2) 151.

¹¹ М. Rostovtzeff. *The Bosphoran Kingdom* // *САН VIII* (1930) 581; idem. *Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War* // *САН IX* (1932) 227.

¹² См.: *Античные государства Северного Причерноморья* (Археология СССР, Москва 1984) 59 сл., 76 сл.

времени исключение делалось разве что для Нимфея, где, как считал М. М. Худяк, после включения города в состав Боспорского государства наступил период затяжного кризиса и упадка.¹³ Новые археологические раскопки не подтвердили этого вывода, как раз напротив – они свидетельствуют, что Нимфей непрерывно и активно существовал на протяжении всего эллинистического периода, никаких признаков упадка здесь нет.¹⁴

Очень важное значение для понимания боспорской истории и, в частности, связей Боспора с местными племенами на рассматриваемом этапе имеет изучение Танаиса. Эта боспорская колония в низовьях Дона быстро стала “крупнейшим торжищем для варваров после Пантикапея” (Strabo XI, 2, 3; ср. также VII, 4, 5). Д. Б. Шелов, как известно, считал, что Танаис был основан в первой четверти III в. до н. э.¹⁵ Ранние материалы, на основании которых сделано это заключение, происходят из культурных слоев городища, а не из археологических комплексов, в количественном отношении они очень невелики. Оценивая этот факт, К. К. Марченко высказал предположение, что в первой трети III в. до н. э. на месте Танаиса существовал какой-то крохотный опорный пункт эллинов, а колония была выведена лишь в середине или же самом начале второй половины столетия.¹⁶ Эта новая трактовка вызывает некоторые сомнения, поскольку первоначальное ядро любого крупного поселения, которое, как правило, имело весьма скромные размеры, выявить при археологических раскопках очень нелегко, так что излишний максимализм при оценке немногочисленных ранних материалов вряд ли допустим. Не случайно, что исследователи Танаиса придерживаются традиционной точки зрения, относя время его основания к началу III в. до н. э.¹⁷ На мой взгляд, К. К. Марченко прав совсем в ином, – заметный рубеж в развитии этого центра, связанный с ростом поселения, развитием домостроительства, активизацией торговых контактов с варварским миром и т. д., скорее всего, приходится на середину – вторую половину III в. до н. э.

После потрясений первой половины III в. до н. э. возрождается жизнь на сельской округе, о чем свидетельствует строительство здесь

¹³ М. М. Худяк. *Из истории Нимфея в VI–III вв. до н. э.* (Ленинград 1962) 35, 55, 59.

¹⁴ Н. Л. Грач. Нимфей в конце IV–I вв. до н. э. (особенности развития) // *Причерноморье в эпоху эллинизма* (Тбилиси 1985) 333 сл.

¹⁵ Д. Б. Шелов. *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э.* (Москва 1970) 21–23.

¹⁶ Марченко (см. прим. 1) 74.

¹⁷ Д. Б. Шелов. Танаис – эллинистический город // *ВДИ* 1989: 3, 47; Т. М. Арсеньева, Б. Бетгер, Ю. Г. Виноградов. Новые исследования в Танаисе // *ВДИ* 1996: 3, 54.

во второй половине столетия ряда крупных укрепленных усадеб.¹⁸ И хотя число исследованных памятников этого времени не столь велико, показателен сам факт их существования.¹⁹ На азовском побережье Керченского полуострова во второй половине III – II вв. до н. э., в частности, функционировало расположенное на мысу небольшое поселение Крутой Берег. Здесь была открыта часть оборонительной стены шириной 1,4–1,6 м, которая тянулась от одного обрыва до другого, отсекая мыс с расположенными на нем постройками.²⁰ В третьей четверти III в. до н. э. было основано поселение Золотое, которое, как считает А. А. Масленников, имеет решающее значение для понимания исторической ситуации этого времени в районе.²¹ В конце III или начале II вв. до н. э. возникло поселение у деревни Ново-Отрадное.²² Известны и другие памятники – Андреевка Северная, у с. Михайловка,²³ может быть, Полянка и др.²⁴ Весьма показательно, что в это время укрепления строились даже на небольших сельских поселениях. Наиболее яркий памятник такого рода – Золотое, оборонительная линия которого имела мощную стену (толщина – до 2,5 м) с серией хорошо сохранившихся выступов-бастионов.²⁵

Один из любопытнейших памятников, свидетельствующих о возрождении жизни в районе, – сельский теменос (?), обнаруженный сравнительно недавно как раз на азовском побережье Керченского пролива. Все его постройки, как считает автор раскопок А. А. Масленников, были возведены одновременно не ранее второй половины III в. до н. э.²⁶

Именно на этом этапе, как представляется, начало существовать поселение на Темир-Горе. В. Ф. Гайдукевич указывал, что этот памятник,

¹⁸ И. Т. Кругликова. *Сельское хозяйство Боспора* (Москва 1975) 101; А. А. Масленников. *Эллинская хора на краю ойкумены. Сельские территории европейского Боспора в античную эпоху* (Москва 1998) 208.

¹⁹ Масленников. *Там же*, 89.

²⁰ *Там же*, 208–209.

²¹ *Там же*, 90 сл.

²² И. Т. Кругликова. Поселение у деревни Ново-Отрадное // *Древности Боспора I* (Москва 1998) 143, 144–146.

²³ Кругликова (см. прим. 18) 107, 109, 125.

²⁴ Масленников (см. прим. 18) 89; S. Yu. Saprykin, A. A. Maslennikov. *Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors* // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 2* (1995): 3, 271.

²⁵ Масленников (см. прим. 18) 211–216.

²⁶ А. А. Масленников. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму (Предварительная информация) // *ВДИ* 1997: 4, 170.

относящийся, в основном, к первым векам н. э., возник еще в эллинистическую эпоху.²⁷ Некоторые сделанные здесь керамические находки, а также пантикапейская монета с изображением лука и стрел,²⁸ позволяют считать, что небольшое поселение на Темир-Горе существовало со второй половины III в. до н. э.²⁹

На сельскохозяйственной округе Нимфея, которая в последнее время изучается достаточно интенсивно, в конце III – первой половине II вв. до н. э. существовала усадьба на поселении Героевка I.³⁰ Культурный слой этого времени зафиксирован на Чурубашском поселении,³¹ а также в Огоньках.³²

Заселенность сельских территорий азиатской стороны Боспора в эллинистическое время достигает максимума. По подсчетам Я. М. Паромова, число поселений здесь увеличивается до 200.³³ Среди исследованных памятников – знаменитый “Таманский толос”, существовавший с второй четверти III до середины II в. до н. э.,³⁴ а также расположенное по соседству и, вероятно, связанное с толосом функционально поселение у с. “За Родину”.³⁵ Под Горгиппией раскапывалась усадьба Джемете I, которая датируется концом III – ранним I в. до н. э.³⁶ Во второй половине III в. до н. э. на Семибратнем городище было построено монументальное здание, мощные стены которого, возможно, выполняли и оборонительную функцию.³⁷

Об интенсивности греко-варварских связей в районе Прикубанья свидетельствуют курганные погребения варварской знати, открытые на

²⁷ В. Ф. Гайдукевич. Укрепление *villa rustica* на Темир-Горе // *СА VI* (1941) 59.

²⁸ Там же, 46.

²⁹ Saprykin, Maslennikov (см. прим. 24) 269.

³⁰ В. А. Горончаровский. Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // *Древнее Причерноморье*. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тез. докл. (Одесса 1996) 31.

³¹ Кругликова (см. прим. 18) 130.

³² В. Н. Зинько. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии V* (Симферополь 1996) 17.

³³ Я. М. Паромов. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // *Древние памятники Кубани* (Краснодар 1990) 64.

³⁴ Н. И. Сокольский. *Таманский толос и резиденция Хрисалиска* (Москва 1976) 8, 79.

³⁵ Н. П. Сарокина. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на азиатском Боспоре // *Причерноморье в эпоху эллинизма* (Тбилиси 1985) 374 сл.

³⁶ Е. М. Алексеева. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // *Горгиппия I* (Краснодар 1980) 41 сл.; Saprykin, Maslennikov (см. прим. 24) 275.

³⁷ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище) // *СА VII* (1941) 26.

азиатской стороне Боспора – Васюринские курганы, Буерова могила, Мерджаны и, возможно, Малая Близница. Из двух больших курганов, исследованных на Васюринской горе, один (№ 1) относится ко времени крушения Великой Скифии; М. И. Ростовцев датировал его по находке расписной пиксиды и другим материалам не позднее середины III в. до н. э. (*АДЖ* 40, 42). Второй курган, раскопанный в 1871–72 гг. (*ОАК* 1871, XXXVII; 1872, IX сл.), принадлежит к рассматриваемому периоду. Как известно, здесь был открыт расписной склеп с лестницей, по сторонам от которой находились три конских гробницы. В одной из них была обнаружена железная колесница, украшения которой отличаются весьма своеобразным и сложным дизайном, а также части богатого набора конской упряжи, включающей несколько фаларов. Стилистические особенности этих находок позволили М. И. Ростовцеву датировать склеп не позднее второй половины III в. до н. э. (*АДЖ* 57). Эти выводы были приняты современными исследователями без всяких изменений,³⁸ хотя датировка комплексов Васюринской горы вполне может и должна быть уточнена.

Еще сложнее датировка Малой Близницы (*ОАК* 1864, X сл.; 1882–83, XVI, XXXVII; 1907, 84 сл.; 1913–15, 146 сл.). М. И. Ростовцев считал, что в этом памятнике не обнаружено ни единой находки, которая могла бы быть отнесена ко времени ранее конца III в. до н. э.³⁹

Буерова могила (*ОАК* 1870–71, IX сл., XXXI сл.; 1882–88, LXXXII), расположенная сравнительно недалеко от двух Близниц, обычно датируется III–II вв. до н. э.⁴⁰ Более точная ее датировка в настоящее время практически невозможна, так как инвентарь этого кургана, за исключением отдельных находок,⁴¹ еще не опубликован. Однако, даже если судить только по ним, а именно по мечам и шейной гривне, комплекс нельзя признать особенно ранним. Более определенно можно говорить о датировке комплекса находок, обнаруженных у дер. Мерджаны. Обычно этот любопытный памятник относят к концу IV – началу III вв. до н. э.,⁴² хотя он явно принадлежит более поздней эпохе. Крупный специалист в области эллинистической торевтики М. Пфроммер считает,

³⁸ А. А. Масленников. *Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э.* (Москва 1981) 79; V. F. Gajdukevič. *Das Bosporanische Reich* (Berlin 1971) 301.

³⁹ М. И. Ростовцев. *Скифия и Боспор* (Л. 1925) 375.

⁴⁰ Там же, 550.

⁴¹ *ОАК* 1875, 21; М. И. Ростовцев. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма* (МАР 37, Петроград 1918) Табл. II, 5,7,8; III, 4.

⁴² М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // *ИАК* 49 (1913) 138; он же (см. прим. 39) 329; М. И. Артамонов. Сокровища скиф-

что знаменитая золотая пластина с изображением сидящей на троне богини и приближающегося к ней всадника датируется приблизительно 200 г. до н. э.⁴³ Все другие находки в хронологическом отношении укладываются в пределах II в. до н. э., возможно, ближе к его середине.⁴⁴ В европейской части Боспора курганов, подобных описанным, для рассматриваемого периода нет. Соответственно, имеются веские основания предполагать, что основной акцент в плане политических, экономических и культурных контактов Боспорского царства с варварским миром региона был смещен в район Прикубанья. Здесь ситуация отличалась большей стабильностью, и именно здесь правители государства находили необходимые гарантии для более спокойного развития подвластных им территорий.⁴⁵

Что касается Херсонесского государства, то и здесь также можно говорить о явной активизации жизни на сельскохозяйственных территориях. Прежде всего следует указать на факт строительства около последней четверти III в. до н. э. целой серии укрепленных усадеб на Гераклеяском полуострове,⁴⁶ хотя жизнь возрождается и на более отдаленных территориях.⁴⁷ В общем, имеются основания считать, что Херсонесу в это время удалось полностью восстановить свои владения на

ских курганов (Прага – Ленинград 1966) 77; В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин. *Скифия VII–IV вв. до н. э.* (Киев 1983) 222.

⁴³ М. Pfrommer. *Metalwork from the Hellenized East* (Malibu, California 1993) 20.

⁴⁴ Ю. А. Виноградов. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // *Таманская старина* 1 (СПб. 1998) 66.

⁴⁵ Ср. Ю. А. Виноградов. О курганах варварской знати V–III вв. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // *Скифия и Боспор*. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева (Новочеркасск 1989) 38–40; он же. Некоторые вопросы интерпретации погребений варварской знати в районе Боспора Киммерийского // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. Материалы заседания “круглого стола” (СПб. 1994) 72 сл.

⁴⁶ См. М. И. Золотарев., Е. Я. Туровский. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове // *Древнее Причерноморье*. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П. О. Карышковского (Одесса 1990) 84; Е. Я. Туровский. *Хронология сельских усадеб на Гераклеяском полуострове в IV–II вв. до н. э.* Автореф. дисс. ... канд. историч. наук (СПб. 1994) 17; В. И. Кузищин, А. И. Иванчик. “Усадьба Басилитов” в окрестностях Херсонеса Таврического // *ВДИ* 1998: 1, 209.

⁴⁷ М. И. Золотарев. О политической ситуации в Крыму в III в. до н. э. // *Скифия и Боспор*. Археологические материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева (Новочеркасск 1989) 55–56; А. С. Голенцов. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // *Археологические исследования в Крыму 1993 г.* (Симферополь 1994) 82; А. Н. Щеглов. Большой Кафель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль // *Проблемы античной культуры*. Тез. докл. науч. конф. III (Симферополь 1988) 273–274.

побережье Западного Крыма, хотя количество выведенных здесь поселений в сравнении с предшествующим периодом расцвета становится заметно меньшим.⁴⁸

Показательно, что приблизительно в то же самое время, то есть во второй половине III в. до н. э., в предгорьях Крыма начинается процесс, приведший к окончательному сложению нового государства – Малой Скифии, которая, по свидетельству Страбона (VII, 4, 5), занимала Крым и область за Перешейком (Перекопом) вплоть до Днепра. В настоящее время, правда, высказываются сомнения в достоверности этой информации,⁴⁹ однако появление двух центров оседлой жизни в районе Крыма и Нижнего Поднепровья не может вызывать никаких сомнений. Понимание же протекавших здесь социально-политических и этно-культурных процессов все еще остается весьма приблизительным.

Возникновение столицы нового государства – Неаполя Скифского – Т. Н. Высотская относила к концу IV в. до н. э.⁵⁰ Основания для такого заключения, однако, не очень надежны: на городище действительно встречаются находки IV–III вв. до н. э., но культурного слоя этого времени пока выявить не удалось. Совсем не удивительно поэтому, что В. К. Голенко и А. С. Голенцов, изучавшие керамические клейма из Неаполя, датировали основание города концом III в. до н. э. или, может быть, последней его четвертью.⁵¹ В дальнейшем эта датировка была еще более омоложена до рубежа III–II вв. – первой четверти II в. до н. э.⁵² К значимости более ранних находок на городище исследователи обычно относятся весьма скептически.⁵³ И. Н. Храпунов же, напротив, рассматривает эти находки как свидетельство того,

⁴⁸ С. Б. Ланцов. *Западный Крым в составе Херсонесского государства*. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук (Киев 1991) 14.

⁴⁹ М. Храпунов. До соціально-політичної характеристики Пізньоскіфського царства // *Археологія* 1992: 1, 90.

⁵⁰ Т. Н. Высотская. *Неаполь – столица государства поздних скифов* (Киев 1979) 8, 190.

⁵¹ В. К. Голенко, А. С. Голенцов. Из керамической эпиграфики Неаполя // *КСИА* 159 (1979) 78.

⁵² С. Г. Колтухов, О. А. Махнева. Новый участок оборонительной стены Неаполя Скифского // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму* (Киев 1988) 156; С. Г. Колтухов. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // *СА* 1990: 2, 184–185.

⁵³ См. Ю. П. Зайцев. Новые материалы по эллинистической хронологии Керменчика-Неаполя Скифского // *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Тез. докл. международной конф., посвященной 95-летию со дня рождения Б. Н. Гракова (Запорожье 1994) 60.

что поселение на месте будущей столицы Малой Скифии существовало уже в IV в. до н. э., но городом, укрепленным стенами, оно стало сравнительно поздно.⁵⁴

Любопытно, что укрепления на некоторых скифских городищах, судя по результатам последних исследований, были построены раньше, чем в Неаполе Скифском. В III в. до н. э. была возведена оборонительная стена акрополя Булганакского городища.⁵⁵ Вал городища Кермен-Кыр, которое защищало столицу с юго-запада, был построен в начале III в. до н. э., а все его подсыпки относятся к III–II вв. до н. э.⁵⁶ Неясности в нашем понимании становления Малой Скифии, как видим, имеются. Несмотря на это, можно согласиться с С. Г. Колтуховым и признать, что переход скифов к оседлости в Крыму начался во второй трети III в. до н. э. и завершился в последние десятилетия столетия, к рубежу III–II вв. до н. э. местность здесь была уже достаточно плотно обжита.⁵⁷

На Нижнем Днепре в интересующее нас время, как хорошо известно, возникает серия крупных поселений, в том числе и городищ. Всего их здесь насчитывается 16, хотя, к сожалению, археологически были исследованы лишь некоторые. Среди последних – такие городища как Знаменское (акрополь Каменского городища), Гавриловское,⁵⁸ Золотая Балка⁵⁹ и Любимовское.⁶⁰ Возникновение оседлой жизни здесь порой датируется в расплывчатых пределах III–II вв. до н. э.⁶¹ П. Н. Шульц,

⁵⁴ И. Н. Храпунов. *Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы* (Симферополь 1995) 50; ср. П. Н. Шульц. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // *Проблемы скифской археологии* (МИА 177 [1971]) 128–129.

⁵⁵ И. Н. Храпунов, С. А. Мульд. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского поселения // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики III* (Симферополь 1993) 11.

⁵⁶ См.: С. Г. Колтухов. Об оборонительных сооружениях цитадели городища Красное (Кермен-Кыр) // *СА* 1986: 1, 251; О. Э. Пуздровский. Охоронні роботи на скіфському городищі Кермен-Кир // *Археологія* 1989: 2, 137.

⁵⁷ С. Г. Колтухов. Системы обороны крымской Скифии в IV–II вв. до н. э. // *ВДИ* 1991: 4, 96.

⁵⁸ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // *МИА* 64 (1958) 103 сл.

⁵⁹ М. І. Вязьмітіна. *Золота Балка* (Київ 1962).

⁶⁰ Л. Д. Дмитров, В. Л. Зуц, Ф. Б. Копилов. Любимівське городище рубежу нашої ери // *АП УРСР X* (1961) 78 сл.; В. М. Зубар, І. М. Храпунов. Нові дослідження Любимівського городища // *Археологія* 1989: 4, 131 сл.

⁶¹ См.: М. И. Вязьмитина. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // *СА* 1969: 4, 65.

однако, считал, что вариант позднескифской культуры на Нижнем Днепре сформировался на рубеже двух обозначенных столетий.⁶² В последние годы эта датировка имеет тенденцию к омоложению. Н. А. Гаврилюк предпочитает говорить о начале II в. до н. э.,⁶³ а в отношении Знаменского городища отмечает, что неукрепленное поселение здесь существовало с начала III по начало II вв. до н. э., и только во II в. до н. э. оно превратилось в укрепленное городище типа позднескифских памятников.⁶⁴ В. П. Былкова относит этот процесс даже ко второй половине столетия, указывая к тому же, что массовые материалы датируются здесь лишь I в. до н. э.⁶⁵

Сопоставляя археологические памятники Крымской Скифии и Нижнего Поднепровья, Н. А. Гаврилюк отметила сильную эллинизацию последних и предположила, что сюда, возможно, переселились выходцы из Ольвии, так что позднескифскими здешние городища можно именовать лишь условно.⁶⁶ Если отвлечься от сложнейшего вопроса этнокультурной атрибуции этих памятников, но продолжить сопоставление особенностей развития двух названных районов, то следует обратить внимание на то, что интенсивная оседлая жизнь на Нижнем Днепре развивается несколько позднее, чем в Крыму. И этот факт, на мой взгляд, имеет очень большое значение для понимания исторической ситуации, которая сложилась в регионе во второй половине III – первой половине II вв. до н. э.

Отмеченная тенденция еще нагляднее проявляется при изучении Ольвии. Освоение сельскохозяйственной территории этого греческого государства, как уже неоднократно говорилось, всегда было самым тесным образом связано со стабилизацией военно-политической ситуации в степи.⁶⁷ На сей раз этот процесс проходил в весьма ограниченных масштабах.⁶⁸ По существу сейчас известны лишь два памятника, на которых отмечаются бесспорные следы жизнедеятельности во второй по-

⁶² Шульц (см. прим. 54) 131.

⁶³ Н. А. Гаврилюк. "Малая Скифия" на Нижнем Днепре // *Древнее Причерноморье*. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тез. докл. (Одесса 1991) 21.

⁶⁴ Н. А. Гаврилюк. Каменское городище и его округа // *Древности скифов* (Киев 1994) 118.

⁶⁵ В. П. Былкова. Нижнее Поднепровье в IV–II вв. до н. э. // *Проблемы археологии Северного Причерноморья* (Херсон 1991) 73.

⁶⁶ Гаврилюк (см. прим. 63) 21.

⁶⁷ Виноградов, Марченко (см. прим. 2) 148 сл., 152 сл.; они же. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э. // *ВДИ* 1995: 1, 80 сл.

⁶⁸ С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. *Сельская округа Ольвии* (Киев 1989) 101.

ловине III – первой половине II вв. до н. э. Первый – это городище Станислав, расположенное на мысу, образованном слиянием Днепра и Южного Буга. Эллинистические материалы отсюда в основном относятся к первой половине II в. до н. э.⁶⁹ Второе – Матвеевка II, расположенное на восточном берегу Бугского лимана, датируется концом III – началом II вв. до н. э.⁷⁰ Находки эллинистической керамики встречаются и на некоторых других памятниках левобережья Бугского и устья Днепровского лиманов, в частности на поселении Сиверсов Маяк I,⁷¹ однако они немногочисленны.

Для понимания исторической ситуации в регионе имеет значение не только очевидная немногочисленность сельских поселений, но и тот факт, что находятся они весьма далеко от центра, то есть от Ольвии, что, конечно, нельзя считать случайным.⁷² Не случайно и то, что на правом берегу Бугского лимана и к западу от Ольвии их нет вовсе.⁷³ В высшей степени показательно, далее, что расположенный западнее Ольвии греческий город Никоний прекратил свое существование где-то в середине III в. до н. э.⁷⁴

Вновь возвращаясь к варварским территориям Северного Причерноморья, следует отметить, что этнополитическая ситуация, которая сложилась здесь после падения Великой Скифии, отчасти напоминает ту, которая имела место несколькими столетиями ранее – во время скифской архаики. А. Ю. Алексеев справедливо указывает, что степи Северного Причерноморья тогда тоже были малозаселенными, а очаги раннескифской культуры находились вне их пределов, в частности, в Предкавказье.⁷⁵ Имеется, правда, и существенное различие: в архаическое время лесостепное Поднепровье было весьма плотно заселено, а в интересующее нас время очень долго пустовало. Явные признаки

⁶⁹ Ю. А. Виноградов. Некоторые итоги археологического изучения городища Станислав // *Проблемы археологии Северного Причерноморья*. Тез. докл. конф. 2 (Херсон 1990) 89–90; Ю. А. Виноградов, С. Л. Соловьев. Археологические исследования на городище Станислав // *РА* 1996: 3, 182, 185.

⁷⁰ В. И. Никитин, И. А. Снытко. Древнегреческая землянка у с. Матвеевка // *Древнее Причерноморье*. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тез. докл. конф. (Одесса 1991) 63–64.

⁷¹ И. А. Снытко. Исследования поселения Сиверсов Маяк I на Бугском лимане // *Античные полисы и местное население Причерноморья* (Севастополь 1995) 148.

⁷² Марченко (см. прим. 1) 75.

⁷³ Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко (см. прим. 68) 101.

⁷⁴ Н. М. Секерская. Итоги исследования Никония за 40 лет (1957–1997) // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья* (Одесса 1997) 10.

⁷⁵ А. Ю. Алексеев. *Скифская хроника* (СПб. 1992) 142.

стабилизации военно-политической ситуации проявляются здесь лишь с рубежа III – II вв. до н. э. Именно тогда в Среднем и Верхнем Поднепровье после запустения, связанного с обстоятельствами крушения Великой Скифии, вновь возникает оседлая жизнь, проявляющаяся на сей раз в виде зарубинецкой археологической культуры, входящей в круг так называемых латенизированных культур Центральной и Восточной Европы.⁷⁶ Не исключено, что ранее на земли Правобережной Украины пытались проникнуть кельты, которые оставили здесь не только отдельные находки, но даже комплексы и, предположительно, следы в местной топонимике,⁷⁷ однако закрепиться надолго в этом районе им все-таки не удалось. Новый этап в развитии лесостепного Поднепровья связан уже с зарубинецкой культурой.

Датировка возникновения этой культуры, как известно, до сих пор вызывает дискуссию. Причина такого положения объясняется тем, что материалы могильников, хронология которых базируется на фибулах, дают сравнительно позднюю дату, а находки античных клейменных амфор на поселениях – более раннюю. Опуская многие спорные вопросы, отмечу, что начало зарубинецкой культуры по хронологической схеме развития фибул относят к второй четверти II в. до н. э.⁷⁸ Е. В. Максимов в качестве верхней даты предлагает конец III в. до н. э. или рубеж III–II вв. до н. э.⁷⁹ М. Б. Щукин считает, что самые ранние зарубинецкие памятники при максимальных допусках не могут быть старше конца III в. до н. э.⁸⁰ Наконец, В. Е. Еременко на основании анализа как раз погребальных комплексов пришел к заключению, что сложение культуры относится к 225–190 гг. до н. э.⁸¹

Любопытно, что и степи Поднепровья пустовали приблизительно до того же самого времени. Сарматских памятников, которые с уверенностью можно было бы датировать III в. до н. э., как уже отмечалось,

⁷⁶ См.: К. В. Каспарова. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // *АСГЭ* 25 (1984) 108 сл.; М. Б. Щукин. *На рубеже эр* (СПб. 1994) 18–19.

⁷⁷ См.: Д. А. Мачинский. Кельты на землях к востоку от Карпат // *АСГЭ* 1973: Вып. 15, 52 сл.; он же. Кельты на землях к востоку от Карпат // *Кельты и кельтские языки* (Москва 1974) 31 сл.; он же. О культуре среднего Поднепровья на рубеже скифской и сарматской эпох // *КСИА* 133 (1973) 3 сл.

⁷⁸ Каспарова (см. прим. 76) 115; ср. Д. А. Мачинский. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // *КСИА* 107 (1966) 4.

⁷⁹ Е. В. Максимов. *Зарубинецкая культура на территории УССР* (Киев 1982) 23, 25; он же. Зарубинецкая культура. Хронология // *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э.* (Археология СССР. Москва 1993) 34.

⁸⁰ Щукин (см. прим. 76) 111.

⁸¹ В. Е. Еременко. *“Кельтская вуаль” и зарубинецкая культура* (СПб. 1997) 122–123, 171.

здесь нет.⁸² Поиск причин такого положения в степном коридоре к северу от Понта связан с немалыми трудностями, но, как представляется, даже приведенных выше данных о неравномерности развития оседлой жизни в севернопричерноморском регионе, о заметном снижении ее интенсивности в западных областях по сравнению с восточными достаточно, чтобы усомниться в правомерности заключения об обусловленности запустения степей климатическими изменениями, которого придерживаются некоторые украинские исследователи.⁸³

Но, может быть, не меньшие сомнения вызывает предположение, что в III в. до н. э. сарматы уже вторгались в самые отдаленные районы Левобережья Днепра, но еще не успели освоить захваченные территории.⁸⁴ Растянувшийся на целое столетие период “завоевания родины”, когда номады перемещались без постоянных маршрутов кочевания, не имея четко локализованных родовых кладбищ и т. д., а значит, и не оставляя выразительных археологических памятников, вряд ли имеет прецеденты в истории кочевых обществ Северного Причерноморья. Логичнее предположить, что в III в. до н. э. Поднепровье еще не принадлежало сарматам, а массовое их расселение здесь начинается во II в. до н. э. Показательно, что сарматское проникновение за Днепр имело место лишь с I в. до н. э.,⁸⁵ а в район Днестро-Дунайского междуречья еще позднее – ближе к рубежу эр.⁸⁶ Так что же стало причиной такого своеобразного положения? Почему сарматы не сумели занять пустующие степные пространства северо-причерноморского региона?

⁸² См. прим. 5, а также: С. В. Полін. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // *Археологія* 1984: 45, 27–28; С. В. Полин, А. В. Симоненко. Скифия и сарматы // *Донские древности* 5 (Азов 1997) 88, 96.

⁸³ Полін. Про сарматське завоювання, 28–31; Полин. *От Скифии к Сарматии* (см. прим. 5) 122; М. М. Иевлев. Роль географического фактора в истории Скифии IV в. до н. э. – II в. н. э. // *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Тез. докл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Гракова (Запорожье 1989) 54–55. Обоснованную критику этой концепции географического детерминизма см.: И. В. Бруяко. Рец. на кн.: Полин С. В. *От Скифии к Сарматии* (Киев 1992) // *ВДИ* 1995: 1, 236; Виноградов. Херсонесский декрет (см. прим. 3) 106.

⁸⁴ В. И. Костенко. Сарматы в междуречье Орели и Самары // *Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э.* 3 (Днепропетровск 1979) 71; ср.: он же. *Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э.* (Днепропетровск 1986) 66.

⁸⁵ А. І. Кубишев, О. В. Покляцький, О. В. Симоненко. Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури // *Археологія* 1987: 58, 57, 61.

⁸⁶ А. Н. Дзигорский. О времени первого проникновения сарматов в Днестро-Дунайское междуречье // *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР*. Тез. доповідей (Київ 1989) 65.

Почему столь поздно возникла оседлая жизнь в Среднем и Верхнем Поднепровье? Для ответа на эти и многие другие вопросы обратимся к хорошо известному эпиграфическому документу – ольвийскому декрету в честь Протогена (*IOSPE I² 32*), данные которого, на мой взгляд, имеют важнейшее значение для понимания военно-политической ситуации во всем Северном Причерноморье.

Содержание декрета хорошо известно: Ольвия оказалась в чрезвычайно трудном положении по причине неурожая, финансового кризиса и войн с варварами. В частности, с запада ей угрожали нападением галаты и скиры, некоторые из соседних варваров, напуганные этой угрозой, стремились укрыться за городскими стенами Ольвии, однако, в самом государстве измену замыслили так называемые ойкеты, недружественную позицию заняли и обитающие на границах миксэллыны. С востока греческий полис донимал постоянными поборами царь сайев Сайтафарн. В связи с этим и перечисляются многочисленные благодеяния, которые оказывал родному государству богатый гражданин Протоген.

Ситуация двойной угрозы для Ольвии, при этом с запада более страшной, чем с востока, чрезвычайно показательна, но вопрос о том, когда она имела место, до сих пор вызывает споры. Дело в том, что очень серьезные затруднения вызывает датировка документа, – какие-либо хронологические указания в надписи отсутствуют. По этой причине В. В. Латышев посчитал, что единственный надежный путь для определения времени декрета – исторический, то есть привязка его к конкретной засвидетельствованной другими источниками исторической ситуации. По его мнению, галаты могли угрожать Ольвии и прилегающим областям во время существования их государства во Фракии с центром в Тилисе (280–213 гг. до н. э.), а это означает, что декрет в честь Диофанта следует датировать в пределах 279–213 гг. до н. э.⁸⁷

Надо сказать, что о кельтском государстве во Фракии мы знаем очень немного. Единственный источник по этому вопросу – “Всеобщая история” Полибия (IV, 45–46), из которой известно, что после похода на Грецию часть кельтов покорила фракийцев, сделав Тилис своей царской резиденцией. После этого они стали угрожать Византию и требовали от города огромной дани (до 80 талантов в год). Впоследствии фракийцам удалось сломить власть пришельцев, при этом все кельты были будто бы истреблены. Известно также, что последний царь галатов Кавар обеспечил свободу плавания для купцов, направлявшихся в Понт (Ρολυβ.

⁸⁷ В. В. Латышев. *Исследования об истории и государственном строе города Ольвии* (СПб. 1887) 86; он же. *К истории города Ольвии // он же. ПОНТИКА* (СПб. 1909)

VIII, 24), а в 219 г. до н. э. он выступал на дипломатическом поприще, став посредником в улаживании конфликта Византия с вифинским царем Прусием (Polyb. IV, 52).

Информация, как видим, невелика. Неудивительно поэтому, что оценки роли и значения государства галатов во Фракии существенно различаются.⁸⁸ Однако вряд ли уместно излишне принижать его силы, сам размер дани, которую варвары требовали от Византия (80 талантов или 2 т золота в год), позволяет полагать, что это был весьма сильный и опасный сосед. Л. Лазаров, на мой взгляд, вполне прав, считая, что в это время царство галатов с центром в Тилисе было главным политическим и военным фактором во Фракии.⁸⁹ Границы государства на востоке, скорей всего, доходили до Дуная,⁹⁰ а политические притязания, надо думать, шли и того дальше.

Очень вероятно, что с этой территории галаты совершали походы в сопредельные области, прежде всего на восток, что определялось общим вакуумом политической власти в степном Причерноморье после крушения Великой Скифии. Во всяком случае, гипотезу о роли этих варваров в уничтожении ольвийской хоры в конце первой трети III в. до н. э.⁹¹ вряд ли следует полностью отрицать. Логично ожидать, что в декрете в честь Протогена говорится об угрозе нападения именно тех галатов, которые создали государство во Фракии с центром в Тилисе.

Такому пониманию не противоречит датировка документа второй половиной III в. до н. э. или около 230 г. до н. э.,⁹² последняя представ-

59.

⁸⁸ См.: Ив. Венедиков. Келтското нашествие в нашите земи през III в. пр. н. е. под светлината на археологическите материали // *Исторически преглед XI* (1955): 3, 77 сл.; Хр. М. Данов. *Древна Тракия* (София 1968) 433 сл.; Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н. э. (М. 1952) 108–109; В. П. Невская. *Византий в классическую и эллинистическую эпоху* (Москва 1953) 138 сл.; W. W. Tarn. *The New Hellenistic Kingdoms* // *САН VII* (1928) 107; Z. Wozniak. *Die Kelten und die Latènkultur auf den thrakischen Gebieten* // *Alba Regia XIV* (1975) 178 ff.; M. Domaradzki. *L'état des celtes en Thrace avec capitale Tyllis et en Asie Mineure-Galatia* // *Pulpudeva 3* (Sofia 1980) 75–108.

⁸⁹ Л. Лазаров. О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // *ВДИ* 1996: 1, 121.

⁹⁰ Tarn (см. прим. 88) 107; Невская (см. прим. 88) 138.

⁹¹ В. В. Рубан. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. // *ВДИ* 1985: 1, 43–44; В. П. Яйленко. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм: экономика, политика, культура* (Москва 1990) 274–275.

⁹² См. Д. П. Каллистов. *Северное Причерноморье в античную эпоху* (Москва 1952) 87; В. Ф. Гайдукевич. *Боспорское царство* (Ленинград-Москва 1949) 534–535; Gajdukevič (см. прим. 38) 310–311.

ляется сейчас наиболее вероятной (см. ниже). Н. В. Шафранская считала, что декрет в честь Протогена с равным основанием можно датировать и III, и II в. до н. э.⁹³ Специальное изучение документа, его структуры, палеографических особенностей и пр., как будто, позволило конкретизировать эту дату. Т. Н. Книпович пришла к выводу, что декрет был составлен не ранее второй половины III в. до н. э., более вероятно – в конце этого столетия, не исключено, что в начале II в. до н. э.⁹⁴ П. О. Карышковский датировал надпись около 200 г. до н. э.,⁹⁵ то есть временем после крушения государства галатов во Фракии.⁹⁶ Тенденция к омоложению документа нашла законченное выражение в исследовании В. П. Яйленко, который считает, что палеографический и исторический пути датировки декрета уже исчерпаны. Просопографический анализ и эпиграфический контекст позволяют, по его мнению, относить надпись к 180–170 гг. до н. э., тогда как описанные в ней события происходили на протяжении периода с конца III в. до н. э.⁹⁷

Но какие же галаты в таком случае могли угрожать Ольвии? Теоретически можно допустить, что те же самые галаты государства с центром в Тилисе, поскольку декрет вполне может содержать информацию о событиях, которые удалены по времени от момента его составления, но, как представляется, все-таки не слишком далеко. По мнению П. О. Карышковского, это были кельтские этнические образования в Подунавье, вытесненные со своих мест обитания продвинувшимися сюда бастарнами, которые можно отождествить с бритолагами.⁹⁸ О последних, к сожалению, имеется единственное упоминание в “Географии” Птолемея (III, 10, 7), и когда именно они появились в Северо-Западном Причерноморье сказать очень затруднительно. Так что в справедливости этой интерпретации авторитетнейшего исследователя приходится усомниться. Немалые сомнения вызывает вообще датировка декрета

⁹³ Н. В. Шафранская. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э. // *ВДИ* 1951: 3, 13.

⁹⁴ Т. Н. Книпович. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // *ВДИ* 1966: 2, 149.

⁹⁵ П. Й. Карышковский. Допитання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // *Археологія* 1968: XXI, 104.

⁹⁶ П. О. Карышковский. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н. э. // *ВДИ* 1971: 2, 40.

⁹⁷ В. П. Яйленко. Материалы к “Корпусу лапидарных надписей Ольвии” // *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник* (М. 1985) 169.

⁹⁸ Карышковский (см. прим. 96) 54.

в честь Протогена временем после появления на исторической арене бастарнов, локализация которых в Нижнем Подунавье в 216 г. до н. э. основана на данных Псевдо-Скимна со ссылкой на Деметрия из Каллатия (Ps.-Scymn. 797). Это сильное и воинственное племя, всего, было бы упомянуто в декрете в той или иной связи, и, соответственно, датировка надписи временем до 216 г. до н. э. представляется достаточно логичной.⁹⁹

Приведенные исторические соображения для хронологической атрибуции протогеновского декрета, на мой взгляд, весьма основательны. Однако в последние годы за датировку надписи активно взялись археологи, стремящиеся в реалиях изучаемых ими древних культур найти периоды, которые бы в наибольшей степени соответствовали описанной здесь ситуации. Единства взглядов при таком подходе, как водится, нет. Так К. К. Марченко обратил внимание на то, что ойкеты декрета – это зависимое сельское население Ольвийского государства. Как известно, данные археологии достаточно надежно свидетельствуют, что жизнь на сельских поселениях ольвийской округи оборвалась приблизительно в конце первой трети III в. до н. э. В этой сложной обстановке крушения хоры или же чуть позднее, то есть в конце первой – начале второй трети названного столетия, по мысли К. К. Марченко, у ойкетов Ольвии и возникли изменнические настроения.¹⁰⁰ Оценивая почти бесспорными археологическими фактами, этот автор, как представляется, в своих выводах все-таки не вполне прав. Во-первых, нет никакой уверенности в том, что во время Протогена ойкеты проживали именно на сельских территориях, а не внутри городских стен. Во-вторых, глубина и уже безусловная длительность охвативших государство экономических и финансовых потрясений как-то слабо увязывается с периодом крушения ольвийской хоры. Думается, что эта катастрофа нашла бы в декрете несколько иное отражение. В тексте документа говорится, что Ольвия уже долгое время противостояла ударам варваров (В₂₅₋₃₀), граждане испытывали страдания по случаю войны и неурожаев (В₈₀), упоминается недавняя война, в которой ольвиополитам помогли миксэллины (В₁₅₋₂₀).

Что касается этих миксэллинов, обитающих на границах государства, то, вероятно, с ними можно связывать те самые немногочис-

⁹⁹ А. С. Русяева. Протоген Ольвийский // *Археология* 1993: 2, 15.

¹⁰⁰ К. К. Марченко. Ойкеты декрета в честь Протогена (IPE 1² 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени // *Причерноморье в эпоху эллинизма* (Тбилиси 1985) 248.

ленные удаленные от Ольвии сельские памятники второй половины III–II вв. до н. э., речь о которых шла выше. Сам К. К. Марченко ставит под сомнение участие греков в их создании.¹⁰¹ Трактовка названной категории местного населения как военных групп или отрядов, предложенная Н. В. Шафранской,¹⁰² представляется явно ошибочной. Ближе к истине Ю. Г. Виноградов, считающий, что миксэллины имели происхождение от смешанных браков греков и выходцев из варварской среды; в период кризиса полиса они расселились по левобережью Бугского лимана.¹⁰³

Весьма своеобразного мнения придерживается М. Б. Щукин. Он показал, что попадание кельтских вещей в Причерноморье, которое было результатом одного культурного импульса и в рамках которого можно рассматривать ситуацию, засвидетельствованную декретом в честь Протогена, приходится на 80–40-е гг. III в. до н. э.¹⁰⁴ Вместе с тем автор считает, что описанные в декрете события происходили в пределах 70–20-х гг. столетия ближе к его началу, а запись составлена ближе к концу этого срока.¹⁰⁵ Какой-то хронологический разрыв между событиями и записью о них в почетном декрете, конечно, существовал, но вряд ли он охватывал почти полстолетия.

Структура документа к тому же позволяет думать, что в тексте декрета определенно передана хронологическая последовательность деяний Протогена. В связи с этим можно указать на то, что о сайях и дипломатических акциях ольвиополитов говорится на первой стороне каменной плиты, а о галатах и акциях по укреплению города, проводимых на средства Протогена, на второй.¹⁰⁶ Так что допустимо предположить, что эпизод с предполагаемым походом галатов имел место ближе к завершению политической карьеры выдающегося гражданина Ольвии, а не в ее начале. Отнюдь не возражая М. Б. Щукину относительно обстоятельств проникновения кельтских вещей в регион в результате одного культурного импульса, хотелось бы подчеркнуть, что в плане теоретическом можно допустить, что набег кельтов мог вообще не оставить заметных следов в археологических материалах.

¹⁰¹ Марченко (см. прим. 1) 75.

¹⁰² Н. В. Шафранская. О миксэллинах // *ВДИ* 1955: 3, 47.

¹⁰³ Ю. Г. Виноградов. Декрет в честь Ангестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // *ВДИ* 1984: 1, 67.

¹⁰⁴ М. Б. Щукин. О галатах и дате декрета Протогена // *Скифия и Боспор* (Новочеркасск 1993) 104.

¹⁰⁵ Там же, 106; он же (см. прим. 76) 101.

¹⁰⁶ Виноградов. Херсонесский декрет (см. прим. 3) 106.

Археологи-сарматологи придерживаются поздней даты документа, определяя ее в пределах конца III – первых десятилетий II вв. до н. э.¹⁰⁷ или просто первых десятилетий II в. до н. э.¹⁰⁸ Эпиграфист Ю. Г. Виноградов, однако, упорно настаивает на дате 20–10 гг. III в. до н. э.,¹⁰⁹ близкую дату иногда называл и П. О. Карышковский,¹¹⁰ и она подтверждается одной из любопытнейших среди недавних эпиграфических находок в Ольвии, которая, возможно, станет решающей в затянувшемся споре. Имеется в виду надпись на постаменте статуи Протогена, возведенной его внуком. Надпись датируется первой половиной II в. до н. э. или концом III – первой четвертью II вв. до н. э.,¹¹¹ идентичность Протогена, которому была поставлена статуя, со знаменитым гражданином сомнений не вызывает. Соответственно, декрет в честь Протогена следует относить к последней четверти III в. до н. э., вероятно, до 213 г. до н. э. (падение кельтского государства во Фракии) или даже до 216 г. до н. э. (появления в Подунавье бастарнов).

Возвращаясь к исторической ситуации, которая нашла отражение в этом декрете, можно обратить внимание на некоторые любопытные обстоятельства. Во-первых, страшный испуг среди варварского населения региона, который вызвали слухи о готовящемся галатами походе. А. С. Русяева, конечно, права, когда пишет, что ольвиополиты знали об ужасах кельтских вторжений в Македонию и Грецию,¹¹² но вряд ли воспоминания о событиях пятидесятилетней давности в достаточно далеких краях могли вызвать такой переполох, при этом именно в варварской среде. Такая реакция, скорей всего, может указывать на отнюдь не чисто теоретические знания о результатах походов галатов, о том, какой страшной опасностью они угрожали. Ясно, что ранее местные варвары уже неоднократно страдали от подобных вторжений. Во-вторых, галаты собирались в поход вместе со скирами, то есть сами, без союзников, они, вероятно,

¹⁰⁷ Полин (см. прим. 5) 27; Симоненко. Ранньосарматський період (см. прим. 5) 33.

¹⁰⁸ А. В. Симоненко, Б. И. Лобай. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э.* (Киев 1991) 76–77; А. Skripkin. *The Sarmatian Phenomenon // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies* (Napoli 1994) 179.

¹⁰⁹ См.: Ю. Г. Виноградов. *Политическая история ольвийского полиса VII–V вв. до н. э.* (Москва 1989) 182; он же. Херсонесский декрет (см. прим. 3) 106.

¹¹⁰ См.: П. О. Карышковский, И. Б. Клейман. *Древний город Тира* (Киев 1985) 71; но ср.: П. О. Карышковский. *Монеты Ольвии* (Киев 1988) 93.

¹¹¹ См.: А. С. Русяева, В. В. Крапивіна. До історії Ольвії IV–I ст. до н. е. // *Археологія* 1992: 4, 28; Русяева (см. прим. 99) 21.

¹¹² Русяева. *Там же*, 16.

уже не считали себя способными на такую акцию. Складывается впечатление, что к моменту планируемого похода галаты уже потеряли былую силу, к тому же сама реальность похода, то есть воплощение планов на практике, вызывает немалые сомнения.¹¹³ Такое заключение, конечно, не исключает возможность более ранних вторжений кельтов в ольвийский район. Скорей всего, они имели место, более того – местное население в последней трети III в. до н. э. от них еще не вполне оправилось, а вызванная ими мощная волна страха не успокоилась и в любой момент могла подняться вновь даже от слухов о возможном вторжении.

Другой опасной силой, угрожающей Ольвии с востока, были сайи, в которых, вероятно, следует видеть племя “царских сарматов”.¹¹⁴ Характер их взаимоотношений с Ольвией опять же очень слабо соответствует времени первых походов сарматов на запад от Дона. При всей опасности для греков приходов царя сайев Сайтафарна они уже укладываются в рамки, так сказать, обычных, регулируемых какими-то соглашениями или по крайней мере прецедентами. Необходимо было подносить дары Сайтафарну по случаю его проездов, очевидно, мимо города на запад (А 9 сл.), за подарками он приходил “на ту сторону”, по всей видимости, Гипаниса – Южного Буга (А 82 сл.), в резиденцию царя ольвиополиты направляли посольство (А 45 сл.).

Обычно считается, что кочевья сайев находились поблизости от Ольвии к востоку от Южного Буга.¹¹⁵ Однако фиксируемое археологически запустение этих областей в рассматриваемое время заставляет усомниться в бесспорности данной точки зрения. Вполне возможно, что сайи базировались на кочевьях Дона, откуда без особого труда могли совершать походы на античные города Северного Причерноморья, в том числе на Ольвию и даже еще дальше на запад.¹¹⁶

¹¹³ Виноградов. *Политическая история* (см. прим. 109) 182; Русяева. *Там же*, 15.

¹¹⁴ Вероятно, первым такую точку зрения высказал А. Бёк (*CIG* II р. 84 b). Сейчас она имеет немалое число сторонников. См.: Карышковский (см. прим. 96) 44; Карышковский, Клейман (см. прим. 110) 67–68; Д. А. Мачинский. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // *АСГЭ* 13 (1971) 47; К. Ф. Смирнов. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // *Античные государства и варварский мир* (Орджоникидзе 1981) 8; он же. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии* (Москва 1984) 119; Виноградов. *Херсонесский декрет* (см. прим. 3) 106.

¹¹⁵ Латышев. *Исследования об истории* (см. прим. 87) 90; Мачинский (см. прим. 114) 47; он же. Кельты на землях (см. прим. 77) 53; Смирнов. Ольвийский декрет (см. прим. 114) 8; Полин (см. прим. 5) 109.

¹¹⁶ Симоненко, Лобай (см. прим. 108) 78; Полин, Симоненко (см. прим. 82) 92; ср.: Виноградов (см. прим. 3) 123, пр. 96.

Заселение сарматами земель к западу от Дона, как уже неоднократно говорилось, начинается не ранее конца III – начала II вв. до н. э. Реальное объяснение такой ситуации, на мой взгляд, следует искать в контексте тех исторических процессов, которые имели место в Подунавье, – сарматскую экспансию сдерживали походы галатов из Фракии. Крушение их государства в конце III в. до н. э. сделало возможным постепенное продвижение кочевников на запад.

Очень важными для понимания сложной этнополитической ситуации в Северо-Западном Причерноморье представляются памятники III – II вв. до н. э., которые М. Б. Щукин назвал “странными”.¹¹⁷ Среди них – Бабуечи,¹¹⁸ Бравичены,¹¹⁹ Великопольское,¹²⁰ Семеновка,¹²¹ Марьевка¹²² и др. Все они представляют собой “клады” с предметами конского снаряжения, оружием, украшениями и пр., в которых очень заметны западные культурные импульсы. Весьма показательна в этом отношении орнаментация бронзовых пластин из Бобучей.¹²³ Неслучайной представляется различная этническая атрибуция такого показательного среди “странных” памятников, как Марьевка Николаевской области. А. В. Симоненко считал его позднескифским,¹²⁴ затем связал с сарматами,¹²⁵ а М. Ю. Трейстер видит здесь погребение кельтского всадника.¹²⁶

Трактовка всех этих “странных” памятников как воинских погребений вызывает некоторые сомнения. Любопытным в этом отношении представляется комплекс, обнаруженный в Семеновке (правый берег

¹¹⁷ Щукин (см. прим. 76) 97–98.

¹¹⁸ *Отчет Российского исторического музея за 1908 г.* (Москва 1909) 14.

¹¹⁹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. до н. э. // *МИА* 89 (1960) 9.

¹²⁰ Г. А. Дзис-Райко, Е. Ф. Суничук. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопольское // *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья* (Киев 1984) 149–150; А. В. Симоненко. О позднескифских налобниках // *Древности степной Скифии* (Киев 1982) 237.

¹²¹ Л. В. Субботин, С. Б. Охотников. Скифские погребения Нижнего Поднепровья // *Древности Северо-Западного Причерноморья* (Киев 1981) 108–111.

¹²² О. В. Симоненко. Пізньоскіфський комплекс з с. Мар'івка Миколаївської обл. // *Археологія* 1986: 55, 67.

¹²³ Щукин (см. прим. 76) 98.

¹²⁴ Симоненко (см. прим. 122) 67.

¹²⁵ Симоненко. Ранньосарматський період (см. прим. 5) 44.

¹²⁶ М. Ю. Трейстер. Кельты у Північному Причорномор'ї // *Археологія* 1992: 2, 44; M. Ju. Treister. The Celts in the North Pontic Area: a Reassessment // *Antiquity* 67 (1993): 257, 796.

Днестровского лимана), в котором среди других материалов зафиксирован и воткнутый в землю железный кинжал. Исследователи памятника признали его тризной, совершенной в честь бога Арея и связанной с каким-то конкретным военным событием.¹²⁷ Не исключено, что это жертвоприношение (а, может быть, и некоторые другие) было связано с одной из удачных акций сарматов в Северо-Западном Причерноморье.

Совсем не случайно, что в составе некоторых из этих памятников можно выделить реальные свидетельства походов сарматов из района Подонья-Прикубанья на запад. Прежде всего это находки удила с крестовидными псалями прикубанских типов, обнаруженные в Великопольском Одесской обл.¹²⁸ и Нововасильевке Николаевской обл.¹²⁹ Удила этого типа столь характерны, что И. И. Марченко рассматривает эти находки в контексте именно военных акций сарматов,¹³⁰ а А. В. Симоненко даже называет их этнографическим признаком сираков.¹³¹

Не менее показательны находки кельтских или, правильнее сказать, кельто-этруско-италийских шлемов, происходящих с территории сарматских кочевий в Подонье-Прикубанье. За последние годы их датировка в отечественной научной литературе изменилась: вместо второй половины I в. до н. э.¹³² – конец III – I вв. до н. э.¹³³ и даже IV–III вв. до н. э.¹³⁴ Действительно, в хронологическом отношении эти шлемы охватывают почти всю эпоху эллинизма, но большинство из них относятся к типам Монтефортино А и В, которые датируются IV–III вв. до н. э.¹³⁵ Происходят они, однако, из сравнительно поздних сарматских памятников II–I вв. до н. э., и этот хронологический разрыв, разумеется, должен быть как-то объяснен.

В связи с этим прежде всего следует признать, что такой значительный разрыв между временем производства шлема и временем его попадания в археологический контекст нельзя считать чем-то исклю-

¹²⁷ Субботин, Охотников (см. прим. 121) 111.

¹²⁸ Дзис-Райко, Сунчук (см. прим. 120) 149–150; Симоненко (см. прим. 120) 237.

¹²⁹ Симоненко (см. прим. 120) 240.

¹³⁰ Марченко (см. прим. 6) 75.

¹³¹ Симоненко. Раннесарматский период (см. прим. 5) 44.

¹³² В. П. Шилов. “Кельтские” бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // *Проблемы советской археологии* (Москва 1978) 112.

¹³³ Симоненко. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // *Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья* (Днепропетровск 1987) 110.

¹³⁴ В. А. Раев. Celtic “Jockey-Cap” Helmet in the Don Area // *Idem. Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR International Series 1986: 278) 85–86.

¹³⁵ R. Robinson. *The Armour of Imperial Rome* (London 1973) 15–19.

чительным. А. А. Масленников и М. Ю. Трейстер вполне справедливо отмечали, что античные шлемы вообще и этрусско-италийские в частности могли находиться в употреблении в течение столетий, неоднократно меняя своих владельцев.¹³⁶ По этой причине вряд ли можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что шлемы были захвачены сарматами во время походов Митридата VI Евпатора.¹³⁷ Сарматы в этом случае оказались бы владельцами шлемов, которые были на 100–200 лет древнее этих походов, а такая любовь номадов к кельтской старине представляется весьма сомнительной.

М. Б. Щукин предположил, что Митридат использовал устаревшее боевое снаряжение своих арсеналов для вооружения союзников-сарматов.¹³⁸ Эта точка зрения скорее запутывает, нежели проясняет ситуацию, поскольку нет никакой уверенности в том, что все шлемы происходят из памятников I в. до н. э., то есть синхронных Митридатовым войнам или несколько более поздних. Привлекательней представляется гипотеза И. И. Марченко о нескольких волнах проникновения кельтских шлемов в Причерноморские степи. С Митридадовыми войнами он связывает самые поздние из них – шлемы типа Монтефортино С, а более ранние – с возможной войной сарматов Гатала против понтийского царя Фарнака I. Эти ранние шлемы могли попасть в Прикубанье-Подонье после заключения договора 179 г. до н. э.¹³⁹ Но, во-первых, об участии сарматов в боевых действиях против Фарнака I мы ничего не знаем, а во-вторых, и при таком подходе проникновение в Подонье-Прикубанье шлемов III в. до н. э. остается не вполне ясным.

Наиболее правдоподобное, на мой взгляд, объяснение этого феномена в свое время было предложено В. А. Симоненко, который связывал поступление ранних кельтских шлемов с сарматскими набегами из районов Подонья-Прикубанья на запад, в частности, в Поднепровье, где они сталкивались с галатами. Боевые трофеи этих походов попадали в погребальные комплексы в местах постоянных кочевий сарматов.¹⁴⁰ Правда, позднее Симоненко отказался от своей гипотезы и присоединился к идее, связывающей появление этих шлемов с событиями

¹³⁶ А. А. Масленников, М. Ю. Трейстер. Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу // *Археология* 1997: 1, 147.

¹³⁷ Раев (см. прим. 134) 86; Б. А. Раев, А. В. Симоненко, М. Ю. Трейстер. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // *Древние памятники Кубани* (Краснодар 1990) 124.

¹³⁸ Щукин (см. прим. 76) 143.

¹³⁹ Марченко (см. прим. 8) 57; он же (см. прим. 6) 71.

¹⁴⁰ Симоненко (см. прим. 133) 112.

Митридатовых войн. Объяснение такой метаморфозе можно найти разве что в факте явной немногочисленности находок шлемов типа Монтефортино в археологических памятниках, расположенных к западу от Днепра. Тем не менее, здесь уже давно известен шлем второй половины IV в. до н. э., обнаруженный в Марьевке Николаевской обл.¹⁴¹ Совсем недавно опубликован еще один ранний кельтский шлем (конец IV – первая половина III вв. до н. э.), происходящий из правобережья Нижнего Днестра. И. В. Бруяко и А. А. Росохацкий связывают эту находку с рейдами кельтов на восток, имевшими место, скорее всего, во второй или третьей четвертях III в. до н. э.¹⁴² Точка зрения этих исследователей представляется мне чрезвычайно правдоподобной.

Вероятно, в Северном Причерноморье во второй-третьей четвертях III в. до н. э. столкнулись две волны экспансии – сарматская с востока и кельтская с запада.¹⁴³ По всей видимости, ни одна из сторон не могла одержать решительной победы и закрепиться здесь на сколь-нибудь продолжительное время. По этой причине район Поднепровья на десятилетия стал как бы “ничейной” землей, на которой любое самостоятельное развитие любых сравнительно многочисленных этнических групп было практически невозможным.

Постоянные рейды через Поднепровье пришельцев то с востока, то с запада, на мой взгляд, полностью определили своеобразие военно-политической ситуации в Северном Причерноморье после падения Великой Скифии. Такое положение стало основной причиной того, что период стабилизации в регионе, начавшийся приблизительно в середине III в. до н. э., был весьма относительным, к тому же значительно более заметным в его восточной части, нежели в западной. Лишь к концу III в. до н. э. в связи с крушением государства галатов во Фракии ситуация в степях стала изменяться к лучшему. Определенную роль в этом сыграло, по всей видимости, и вторжение в район Нижнего Дуная бастарнов, которое объективно препятствовало попыткам галатов проникнуть вглубь Северного Причерноморья.¹⁴⁴ После этого стабилизация стала более ощутимой, и сарматы стали постепенно расселяться на землях к западу от Дона. Этот процесс был прерван приблизительно в се-

¹⁴¹ Раев, Симоненко. Трейстер (см. прим. 137) 128–129.

¹⁴² И. В. Бруяко, А. А. Росохацкий. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПДВ 7 (1993) 80.

¹⁴³ Симоненко (см. прим. 133) 112; Виноградов, Марченко, Рогов (см. прим. 3) 102.

¹⁴⁴ M. Shchukin. The Celts in Eastern Europe // *Oxford Journal of Archaeology* 14 (1995): 2, 217.

редине II в. до н. э. в связи с неоднократными вторжениями с востока новых и новых сарматских орд. Военно-политическая ситуация в степях Северного Причерноморья была вновь дестабилизирована, на сей раз практически вплоть до рубежа эр.

Ю. А. Виноградов

Институт истории материальной культуры РАН

Die Periode in der Geschichte des Nordpontos, die dem Fall des großen Skythischen Reiches folgte, war bis zum Anfang unserer Zeitrechnung durch eine Destabilisierung der militärpolitischen Lage gekennzeichnet. Vor diesem allgemeinen Hintergrund jedoch scheint es möglich, einen Zeitabschnitt herauszustellen, der mit einer verhältnismäßigen Stabilisierung dieser Region einhergeht, – es handelt sich um das Ende des 3. und den Anfang des 2. Jhs. v. u. Z. Nachdem die Sarmaten von Osten her in die nordpontischen Regionen vorgedrungen waren, das Skythische Königreich vereinnahmt und hier als hauptsächlichliche Eindringlinge den Frieden beeinträchtigt hatten, endete die stürmische Epoche der Eroberung einer neuen Heimat und begann eine Epoche der ruhigeren Ausbeutung des unterworfenen Territoriums. Der heutige Stand der archäologischen Forschung erlaubt uns anzunehmen, daß diese Nomaden sich nach einer Reihe von im Skythischen Reich unternommenen Eroberungszügen im Nordpontischen Reich aus ungeklärten Gründen nicht festsetzen konnten, sondern gezwungen waren, sich im Don- und Kubangebiet anzusiedeln. Westwärts des Don begannen die Sarmaten frühestens um die Wende des 3./2. Jh. v. u. Z. zu siedeln. Die allgemeine Stabilisierung des östlichen Teils der pontischen Steppengebiete mußte sich zweifelsohne auf alle griechischen Staaten nördlich des Pontos und vor allem auf das Bosporanische Reich auswirken. In der zweiten Hälfte des 3. Jh. v. u. Z. erlebte das Bosporanische Reich eine Art Wiedergeburt. Auf dem Territorium von Chersonesos wird für das letzte Viertel des 3. Jh. v. u. Z. der Bau einer ganzen Reihe von befestigten Gehöften verzeichnet. In dieser Zeit gelang es dem Staat, seine Besitzungen auch auf der westlichen Krimhälfte vollends wiederherzustellen. Ungefähr zur selben Zeit beginnt der Konsolidierungsprozeß der Skythischen Bevölkerung im Gebirgsvorland der Krim, und es entsteht ein neuer Staat, der Kleinskythien, der sich über die Krim und das Gebiet jenseits der Meerenge bis zum Dnepr erstreckt. Dabei entfaltet sich intensive Seßhaftigkeit am unteren Don später als auf der Krim. Das heißt, der Stabilisierungsprozeß verläuft im östlichen Teil der Region mit großer Deutlichkeit, je mehr er jedoch nach Westen verlagert wird, mit geringerer Intensität. Die landwirtschaftliche Region Olbias wird zu diesem Zeitpunkt tatsächlich nur in geringem Maße wieder zum Leben erweckt. Bekannte Denkmäler sind zudem am östlichen Ufer der Bugmündung konzentriert. Die griechische Stadt Nikonion im westlichen Olbia hörte um die Mitte des 3. Jhs. v. u. Z. sogar vollends auf zu existieren.

Die Frage nach den Gründen der Verödung der Steppengebiete der nördlichen Schwarzmeerregion im 3. Jh. v. u. Z. ist eines der meistdiskutierten Probleme der modernen Forschung. Der Autor schlägt eine Lösung vor, die sich u. a. auf die Analyse des olbischen Dekrets zu Ehren des Protogenes stützt: Im 3. Jh. v. u. Z. trafen im nördlichen Schwarzmeergebiet zwei Expansionsbewegungen aufeinander, von Osten her die sarmatische, von Westen her die keltische. Allem Anschein nach gelang es keinem der beiden Stämme in besagter Zeit einen entscheidenden Sieg über den anderen zu erlangen und sich dort für längere Zeit festzusetzen. Aus diesem Grunde wurde das Dneprgebiet für lange Zeit zu einer herrenlosen Region, in welcher jegliche eigenständige Entwicklung einer größeren ethnischen Gruppe unmöglich war. Nach dem Fall des großen Skythischen Königreichs führten ununterbrochene Streifzüge von östlichen und westlichen Eindringlingen durch das Dneprgebiet zu einer besonderen militärpolitischen Lage im nördlichen Schwarzmeergebiet. Gerade diese Situation kann als Hauptgrund dafür betrachtet werden, daß sich der Stabilisierungsprozeß, der hier um die Mitte des 3. Jhs. v. u. Z. begann, nur sehr eingeschränkt und zudem deutlich intensiver im Osten als im Westen der Region vollzog.